

ПУШКИНСКИЕ КОННЕКТЕМЫ В ПОЭЗИИ И ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А. В. КОЛЬЦОВА

С. А. Чуриков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 11 января 2022 г.

Аннотация: статья посвящена описанию интертекстовых заимствований (коннектем) из поэтических произведений А. С. Пушкина в стихотворениях и письмах А. В. Кольцова. Проведенное исследование показало, что пушкинские коннектем обнаруживаются в семи стихотворениях А. В. Кольцова («Ночлег чумаков», «Соловей», «Молодой чете», «Веселый час», «Прекрасной поселянке», «Лес», «Последняя борьба») и двух письмах поэта. Эти интертекстовые заимствования связывают кольцовские тексты с восемью произведениями А. С. Пушкина: стихотворениями «Соловей и роза», «Буря», «Заздравный кубок», «Предчувствие», «Поэту», «Я вас любил...», поэмами «Цыганы» и «Бахчисарайский фонтан».

Ключевые слова: А. В. Кольцов, А. С. Пушкин, интертекстовые связи, цитаты, коннектем.

Abstract: the article is devoted to the description of intertext borrowings (connectemes) from the poetic works of A. S. Pushkin in the poems and letters of A. V. Koltsov. The conducted research showed that Pushkin's connectemes are found in seven poems by A. V. Koltsov ("The overnight stay of the Chumaks", "The Nightingale", "The Young Couple", "The Merry Hour", "The Beautiful Village Woman", "The Forest", "The Last Struggle") and two letters of the poet. These connectemes connect the Koltsov texts with eight works by A. S. Pushkin: poems "The Nightingale and the Rose", "The Storm", "The Cup of Health", "Premonition", "To the Poet", "I Loved You ...", narrative poems "Gypsies" and "The Fountain of Bakhchisaray".

Keywords: A. V. Koltsov, A. S. Pushkin, intertext links, quotations, connectemes.

Влияние пушкинской поэзии на творчество А. В. Кольцова и наличие отдельных интертекстовых заимствований из произведений А. С. Пушкина в кольцовских стихотворениях общеизвестно и признавалось самим воронежским поэтом (см. об этом ниже). Целый ряд важных наблюдений и замечаний по этому поводу содержится в трудах известных отечественных литературоведов — В. А. Тонкова [1, 35–40; 65–66], Н. Н. Скатова [2, 165], Б. Т. Удодова [3, 292], Б. А. Трубецкого [4, 38–40], а также в комментариях к изданиям сочинений воронежского поэта (см. [5], [6], [7] и др.). Однако степень такого влияния и круг интертекстовых заимствований из стихотворений А. С. Пушкина в кольцовских текстах до сих пор остаются предметом научной дискуссии.

Как известно, дискуссионным остается и вопрос о сущности **интертекстовой связи** (см., например, [8] и др.). Поэтому прежде чем продолжить разговор о межтекстовых связях произведений А. С. Пушкина и А. В. Кольцова, необходимо сделать небольшое теоретическое отступление. В отношении определения объема понятия «интертекстовая связь» существуют узкий и широкий подходы. Если сторонники первого подхода считают, что единицами интертекста являются только собственно языковые элементы, то сторонники широкой трактовки данного понятия

относят к интертекстовым единицам образы, мотивы, сюжеты и другие «сверхязыковые» феномены. Мы придерживаемся широкого подхода и определяем интертекстовые единицы как **любые элементы текста или множества текстов А, которые были в том или ином виде заимствованы в текст или множество текстов Б**. Ранее, в работе [10, 8] мы предложили свой термин для наименования так понимаемых интертекстовых единиц — **коннектема** (от англ. connect — соединять(ся), связывать(ся), ассоциироваться). Данный термин в своей внутренней форме несет идею **связи** и создан по продуктивной для лингвистической терминологии модели (ср. морфема, лексема и т.д.). Так же, как морфема реализуется в конкретных словах в виде одного из своих вариантов — морфов, так и **коннектем** представлены в конкретных текстах в виде одного из своих вариантов, которые мы предлагаем называть **коннектами**. Например, коннектема «**на заре туманной юности**», восходящая к стихотворению А. В. Кольцова «Разлука», функционирует в различных принимающих текстах в виде следующих коннектов: «**на заре туманной старости**», «**на закате туманной юности**», «**на закате туманной молодости**», «**на заре туманной...**», «**заря туманной юности**» и ряде других.

Следует сказать, что в указанной выше статье нами была предпринята попытка построения ис-

числяющей классификации интертекстовых единиц, в основу которой была положена следующая триада параметров: 1) **атрибутированность / неатрибутированность**; 2) **маркированность / немаркированность**; 3) **каноничность / трансформированность**. Применение этой классификации показало, что парадигма интертекстовых единиц, составляющих коннектеру, представляет собой множество из восьми базовых вариантов, которое образуется в результате применения к основному варианту следующих операций: 1) снятия атрибуции; 2) снятия маркировки; 3) трансформации. Перечислим эти типы:

1) атрибутированный, маркированный, канонический коннект;

2) атрибутированный, маркированный, трансформированный коннект;

3) атрибутированный, немаркированный, канонический коннект;

4) атрибутированный, немаркированный, трансформированный коннект;

5) неатрибутированный, маркированный, канонический коннект;

6) неатрибутированный, маркированный, трансформированный коннект;

7) неатрибутированный, немаркированный, канонический коннект;

8) неатрибутированный, немаркированный, трансформированный коннект (см. [9, 8–9]).

Задачей настоящего исследования является описание корпуса пушкинских коннектеров, представленных в стихотворениях и письмах А. В. Кольцова.

Давно замечено, что фамилия *Пушкин* встречается в трех стихотворениях воронежского поэта — «Соловей» (1831), «Прекрасной поселянке» (1828) и «Лес» (посвящено памяти А. С. Пушкина) (1837). Первое из названных произведение имеет подзаголовок «Подражание Пушкину», прямо указывающий на наличие межтекстовой связи. Объектом подражания стало известное пушкинское стихотворение «Соловей и роза» (1827) (см. [5, 360], [6, 328] и др.). Приведем оба интересующих нас произведения, выделив совпадающие элементы:

Соловей (Подражание Пушкину)	Соловей и роза
Пленившись розой, соловей И день и ночь поёт над ней ; Но роза молча песням внемлет , Невинный сон её объемлет ... На лире так певец иной Поёт для <i>девы</i> молодой; Он страстью пламенной сгорает, А <i>дева</i> милая не знает – Кому поёт он? отчего Печальны песни так его?..	В безмолвии садов, весной, во мгле ночей , Поёт над розою восточный соловей . Но роза милая не чувствует, не внемлет , И под влюблённый гимн колеблется и дремлет . Не так ли ты поёшь для хладной красоты ? Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты? <i>Она</i> не слушает, не чувствует поэта; Глядишь, она цветёт; зываешь — нет ответа.

Как видим, кольцовский текст очень близок к пушкинскому: совпадают сюжет, основные образы, отдельные словосочетания (см. выделенные компоненты), принцип рифмовки (парная). Совпадает и стихотворный размер — ямб, однако если у А. С. Пушкина ямб шестистопный, то у А. В. Кольцова — четырехстопный.

В стихотворении «Прекрасной поселянке» снова

появляется фамилия великого русского поэта: *Одна, над бездною морской, // Как дева Пушкина, стояла*. Исследователи давно обратили внимание на эти строки и без труда обнаружили пушкинский текст-источник — стихотворение «Буря» (1825) (см. [5, 350], [6, 320–321] и др.). Сопоставим два интересующих нас произведения:

Прекрасной поселянке	Буря
Ах, чья ты, дева-красота ? Твои уста, твои ланиты Такою прелестью покрыты! И в ком чудесная мечта Груди б молодой не взволновала, Когда б ты на скале крутой, Одна, над бездною морской , Как дева Пушкина , стояла Под белым флагом покрывала?.. И вокруг тебя одеждой снежной Зефир приветливо б играл; По сгибу плеч, по шее нежной Свитые кудри развивал?.. Когда б, качаяся, дремало Перо на шляпке голубой; И грудь лебжия вздыхала Любовью девственной, святой?..	Ты видел деву на скале В одежде белой над волнами Когда, бушующая в бурной мгле, Играло море с берегами, Когда луч молний озарял Её всечасно блеском алым И ветер бился и летал С её летучим покрывалом ? Прекрасно море в бурной мгле И небо в блесках без лазури; Но верь мне: дева на скале Прекрасней волн, небес и бури.

Тогда б, в сердечном упоеньи Склонив колена пред тобой, В избытке чувства, в испугленьи, Сгорел бы весь, как огонь степной!..	
--	--

Нетрудно заметить, что эти стихотворения также весьма близки: коннектами здесь являются сюжет, образ героини (пушкинская дева становится для воронежского поэта объектом сравнения), ряд деталей (место действия, одежда героини и т.д.). Отметим, что у сопоставляемых текстов совпадает и размер — четырехстопный ямб. При этом А. В. Кольцов в отличие от А. С. Пушкина использует вместо перекрестной рифмовки опоясывающую.

Еще одним произведением А. В. Кольцова, содержащим, с нашей точки зрения, целый ряд пушкинских коннектов, является знаменитый «Лес» (подробнее об интертекстовых связях указанного стихотворения см. [10, 9–12]). Этот кольцовский шедевр посвящен памяти великого поэта и является, по мнению ряда исследователей, одним из двух (наряду со стихотворением М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта») наиболее значимых откликов на гибель А. С. Пушкина. В первоначальной журнальной версии («Сын Отечества», 1838 г., т. 2, с. 17–20) произведению был предпослан эпиграф — первое четверостишие пушкинского «Предчувствия» (1828):

Снова тучи надо мною
Собрались в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...

По неизвестным причинам составитель первого посмертного собрания сочинений воронежского поэта В. Г. Белинский снял данный эпиграф, а последующие издания поэзии А. В. Кольцова следовали этой традиции. Не обсуждая здесь правомерность решения выдающегося критика, отметим следующее. Во-

первых, присутствие эпиграфа даже не в черновом, а журнальном варианте стихотворения обязывает нас учесть эту межтекстовую связь, указав на наличие атрибутированного, маркированного, канонического коннекта, отсылающего читателя к стихотворению А. С. Пушкина. Во-вторых, внимательное сравнение пушкинского и кольцовского стихотворений позволяет говорить о том, что связь между этими произведениями не ограничивается «пропавшим» эпиграфом: с нашей точки зрения, образы **бури** и **тучи** в «Лесе» также восходят к соответствующим образам, представленным в «Предчувствии». Ср. приведенное выше начало и следующий фрагмент стихотворения А. С. Пушкина:

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно **бури** жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...

Важно отметить, что кольцовский «Лес» не единственное зрелое стихотворение А. В. Кольцова, в котором обнаруживаются пушкинские коннекты. Другим таким произведением является «Последняя борьба». Это признает сам поэт в письме к В. Г. Белинскому (28 сентября 1839 года): «*“Последняя борьба”, может, пахнет Пушкиным, — не спорю; но в ней своя форма, свои следствия битвы*» [7, 94]. Мы согласны с точкой зрения тех исследователей (см., например, [5, 374], [6, 328] и др.), которые в качестве текста-источника называют уже упомянутое выше стихотворение «Предчувствие». Сопоставим исследуемые нами тексты:

<p>Надо мною буря выла, Гром по небу грохотал, Слабый ум судьба страшила, Холод в душу проникал.</p>	<p>Снова тучи надо мною Собрались в тишине; Рок завистливый бедою Угрожает снова мне...</p>
--	---

Но не пал я от страданья,
Гордо выдержал удар,
Сохранил в душе желанья,
В теле — силу, в сердце — жар!

Что погибель! что спасенье!
Будь что будет — всё равно!
На святое Провиденье
Положился я давно!

В этой вере нет сомненья,
Ею жизнь моя полна!
Бесконечно в ней стремленье!..
В ней покой и тишина...

Сохраню ль к **судьбе** презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно **бури** жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Не грози ж ты мне бедою,
Не зови, судьба, на бой:
Готов биться я с тобою,
Но не сладишь ты со мной!

У меня в душе есть сила,
У меня есть в сердце кровь,
Под крестом моя могила;
На кресте моя любовь!

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

Если обратить внимание на формальную сторону этих текстов, то легко убедиться в их схожести: оба произведения написаны четырехстопным хореем с перекрестной рифмовкой, совпадает даже количество строк (однако пушкинское стихотворение состоит из трех восьмистиший, а кольцовское — из шести четверостиший).

Сюжеты пушкинского и кольцовского стихотворений также близки: судьба готовится проверить на прочность лирического героя; но если пушкинский герой не уверен в исходе противостояния, то герой Кольцова, вооружившись верой в «святое Провиденье», уверен в своей победе. Таким образом, коннектами в данном случае выступают размер, тип рифмовки, сюжет и образ судьбы (подвергшиеся трансформации).

Следующим произведением А. В. Кольцова, в котором обнаруживаются пушкинские коннекты, является «Ночлег чумаков» (1828). По мнению ряда исследователей (см. [5, 352], [6, 321] и др.), создавая это произведение, А. В. Кольцов явно находился под впечатлением от поэмы «Цыганы» (1824). Сопоставляя начало пушкинской поэмы, где описывается ночлег цыганского табора, с кольцовским стихотворением, изображающим ночлег табора чумаков, нельзя не заметить сюжетное сходство, совпадение отдельных образов и деталей, а также четырехстопного ямбического размера (при том, что А. В. Кольцов использует парную рифмовку, а А. С. Пушкин — преимущественно перекрестную). Кроме того, сопоставление стихотворения «Веселый час» (1830) с «Заздравным кубком» (1816) А. С. Пушкина позволяет с высокой долей вероятности утверждать, что мы имеем дело с заимствованием мотивов (наслаждения земными радостями — вином, любовью и т.д.) и размера — двустопного дактиля с перекрестной рифмовкой (см. также [5, 356], [6, 328] и др.).

Наконец, отдельный пушкинский коннект (неатрибутированный, немаркированный, канонический) обнаруживается в стихотворении «Молодой чете» (1830):

Надежды, радости земные,
Мгновенья жизни дорогие
Изменчивы для нас всегда;
Прямая ж дружба — никогда!..

Выделенная строчка заимствована А. В. Кольцовым из знаменитой пушкинской поэмы «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823).

Заметим также, что некоторые исследователи

пытались усмотреть «пушкинский след» и в других стихотворениях А. В. Кольцова: «Совет старца», «Бегство», «Осень», «Ровеснику», «Сестре». Однако скрупулезный интертекстовый анализ не позволяет в перечисленных случаях надежно (или, по крайней мере, с высокой долей вероятности) установить наличие интертекстовых связей.

Особо следует сказать о пушкинских коннектерах, представленных в эпистолярном наследии А. В. Кольцова. Отметим, что в письмах воронежского поэта в большом количестве употребляются пословицы и поговорки как в своем каноническом, так и преобразованном виде (подробнее см. [11]). Использование же литературных цитат в интересующей нас переписке — явление нечастое. Тем значимее присутствие пушкинских строк в двух письмах поэта к В. Г. Белинскому.

Так, в письме к знаменитому литературному критику от 28 сентября 1839 г. Кольцов приводит неатрибутированную строку «Ты царь, живи один» из пушкинского стихотворения «Поэту» (1830):

В Петербург вы едете — не только это хорошо; но вам нужно там быть. Пусть он на первый раз вас не очень ласково примет, пусть многие будут на вас смотреть подозрительно, пусть будут говорить и то и се... Бог с ними! Ничего не сделают <...> Они бы рады сделать и больше, да вы не дадитесь; вы уж знаете, как с ними ладить; опыт вас заранее приготовил к ним. «Ты царь, живи один» — святая правда, и ваш девиз она [7, 91–92].

А в одном из последних писем В. Г. Белинскому (от 1 марта 1841 г.) поэт характеризует с помощью пушкинского выражения «безмолвно, безнадежно» (из ставшего хрестоматийным стихотворения «Я вас любил...») свою любовь к Варваре Лебедевой:

*В Воронеже у меня была одна знакомая женщина, знакомая давно; и я ее любил, но молча, но так, как любим мы душою милые создания. Ухаживал за нею года два **«безмолвно, безнадежно»**. Я ей из Москвы и из Питера писал много писем; в ответ ни полстроки. Приезжаю домой, являюсь к ней, — и словом: мы с ней сошлись [7, 178–179].*

Таким образом, пушкинские коннектеры обнаруживаются в семи стихотворениях А. В. Кольцова («Ночлег чумаков», «Соловей», «Молодой чете», «Веселый час», «Прекрасной поселянке», «Лес», «Последняя борьба») и двух письмах поэта. Эти коннектеры связывают кольцовские тексты с восьмью произведениями А. С. Пушкина: стихотворениями «Соловей»

и роза», «Буря», «Заздравный кубок», «Предчувствие», «Поэту», «Я вас любил...», поэмами «Цыганы» и «Бахчисарайский фонтан».

Проведенный нами интертекстовый анализ всего корпуса кольцовских текстов (в рамках работы над «Комплексным интертекстовым словарем поэзии А. В. Кольцова» [12]) показал, что именно пушкинские произведения служили для воронежского поэта основным литературным источником межтекстовых заимствований. И хотя, как неоднократно отмечалось кольцоведами (см., например, [4]), влияние А. С. Пушкина на поэзию А. В. Кольцова нельзя свести к списку интертекстовых заимствований, представленные в настоящей статье результаты исследования являются значимым шагом на пути к системному описанию этого влияния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тонков В. А. А. В. Кольцов. Жизнь и творчество / В. А. Тонков. — 2-е изд., перераб. и доп. Воронеж, 1958. — 440 с.
2. Скатов Н. Н. / Н. Н. Скатов // Сочинения в 4 т. Т. 2. Алексей Кольцов. — СПб: Наука, 2001. — 356 с.
3. Удодов Б. Т. Очерки истории русской литературы 1820–1830-х годов: учебное пособие для студентов-филологов / Б. Т. Удодов. — Воронеж: Издат. дом Алейниковых, 2004. — 379 с.
4. Трубецкой Б. А. Кольцов и его литературные предшественники / Б. А. Трубецкой // А. В. Кольцов. Статьи и материалы. — Воронеж, 1960. — С. 36–40.
5. Кольцов А. В. Полное собрание сочинений / А. В. Кольцов; под ред. и с примеч. А. И. Лященко. — 2-е изд. СПб.: Разряд изящной словесности Имп. акад. наук, 1911. — XXXIV. — 471 с.
6. Кольцов А. В. Сочинения. В 2 т. / А. В. Кольцов. — Т. 1: Стихотворения. — М.: Советская Россия, 1961. — 360 с.
7. Кольцов А. В. Сочинения. В 2 т. / А. В. Кольцов. — Т. 2: Письма. — М.: Советская Россия, 1961. — 336 с.
8. Москвин В. П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили / В. П. Москвин. — Изд. 3. — М.: изд-во URSS, 2015. — 168 с.
9. Чуриков С. А. Опыт построения исчисляющей классификации интертекстовых единиц / С. А. Чуриков // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — № 4. — С. 6–12. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.4/3073>
10. Чуриков С. А. Коннектикон текста / корпуса: определение понятия и методика описания / С. А. Чуриков // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2021. — № 3. — С. 6–14. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2021.3/3573>
11. Мельниченко О. Г. А. В. Кольцов в своей переписке / Мельниченко О. Г. // А. В. Кольцов. Статьи и материалы. — Воронеж, 1960. — С. 110–120.
12. Чуриков С. А. Концепция комплексного интертекстового словаря (на материале поэзии А. В. Кольцова) / С. А. Чуриков // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2022. — № 1. — С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2022.1/8991>

*Воронежский государственный университет
Чуриков С. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
E-mail: churikovsa@yandex.ru*

*Voronezh State University
Churikov S. A., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Russian Language Department
E-mail: churikovsa@yandex.ru*